

В. Г. Пуцко

ДРЕВНЕЙШАЯ ХРАМОВАЯ ИКОНА СИМОНОВА МОНАСТЫРЯ

Посетивший в 1656 г. московский Симонов монастырь любознательный арабский путешественник как главную достопримечательность обители отметил царские врата, которые «сплошь покрыты золотом, серебром и драгоценными камнями», и добавил: «Икона Успения Владычицы, еще более ценная, состоит из одного куска чистого золота, изображение сделано по ней чернью, на удивление уму»¹. Речь идет об иконе, размером 24,0 х 20,0 см, известной в двух экземплярах, очень похожих и различающихся лишь в деталях. Первая из них поступила из ризницы Симонова монастыря в Москве в Государственную Оружейную палату в 1918 г.² (илл. 1.1), другая — в Государственный Русский музей³ (илл. 1.2). Обе иконы исполнены по одной прориси и имеют одинаковую надпись, толщиной около 1 см, и состоят из деревянной основы и укрепленных на лицевой стороне золотых пластин; на полях четыре накладные пластины с черневой надписью вязью: «Успение: престыя Бца | Сию икону дал царя и великого князя | Посътелничей Матфей Федорович Бурухинь | Во иноцех Макарей в лѣто 7060-го». Надпись, датируемая 1552 г. и являющаяся не вкладной, а памятной, предполагает предназначение икон для различных монастырей. Можно было бы предположить, что одна из них могла находиться в Кирилло-Белозерском монастыре, иноком которого стал Матвей Бурухин, постельничий Ивана IV в 1547—1552 г., но она не значится в монастырской описи 1601 г. Важно подчеркнуть, что выполнение икон закончено в 1552 г., уже после того как Матвей Федорович Бурухин принял монашеский постриг.

Многофигурная композиция Успения Богоматери соответствует традиционной византийской иконографии. Ложе с телом Богоматери окружают апостолы, на переднем плане — сцена с Авфонием. Выше Христос во славе, с душой Богоматери. В верхних углах — архитектурные сооружения, палаты. Весьма вероятно воспроизведение храмовой иконы «старой церкви» — Успенского собора, упомянутой в жалованной льготной грамоте 1543 г.⁴ Симонов монастырь, как известно, основан в конце 70-х годов XIV в., когда было начато и сооружение

¹ Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII века, описанное его сыном, архидиаконом Павлом Алеппским. Перевод с арабского Г. Муркоса. М., 2005. С. 512.

² Коварская С. Я., Костина И. Д., Шакурова Е. В. Русское золото XIV — начала XX века из фондов Государственных музеев Московского Кремля. М., 1987. С. 188. Кат. 8.

³ Плешанова И. И. Золотая икона «Успение Богоматери» из собрания Русского музея // Государственный Русский музей. Страницы истории отечественного искусства. XVI—XIX век. СПб., 1999. С. 4—10.

⁴ Подробнее о древнем строительстве Симонова монастыря см.: Выголов В. П. Архитектура Московской Руси середины XV века. М., 1988. С. 48—52.

большого соборного храма (1379–1405 г.). Первым игуменом стал племянник преп. Сергия Радонежского Феодор, посланный великим князем в 1383 г. в Константинополь к патриарху Нилу, который возвел его в сан архимандрита, а во время второй поездки в византийскую столицу в 1388 г. рукоположенный в сан архиепископа Ростовского⁵. Оттуда могла быть привезена и храмовая икона.

Композиционная схема иконы 1552 г. соответствует представленной в мозаике храма константинопольского монастыря Христа Спасителя (Кахрие джами), выполненной около 1316–1321 г. (илл. 2). Совпадают основные элементы, но фигуры скомпонованы несколько иначе, более плотно. Эти черты могли присутствовать уже в живописи византийской столичной иконы последней четверти XIV в., когда в иконографии наблюдаются и более радикальные изменения⁶. Определенная доля в интерпретации греческого иконописного образца могла принадлежать и мастеру середины XVI в., обнаруживающему свое понимание воспроизводимого им оригинала. Вместе с тем симоновская золотая икона 1552 г. своим общим художественным строем существенно отличается от московской же иконы, датированной 1567 г., из Троицкого собора Ипатьевского монастыря⁷ (илл. 3). В последнем случае налицо результаты самой радикальной адаптации композиции, с явным смещением смысловых акцентов, с четко выявленной многоплановостью.

Для реконструкции древнейшей храмовой иконы Симонова монастыря первостепенное значение имеет икона Успения из Кирилло-Белозерского монастыря, обычно датируемая началом либо первой четвертью XV в.⁸ (илл. 4). Опись 1601 г. застала этот образ в Успенском соборе в иконостасе, «у Спасова образа», в богатом убранстве, как храмовый⁹. Если эта икона была храмовой в первой деревянной церкви Успения, построенной при основателе монастыря преп. Кирилле, то не исключено, что им и принесена из московского «нового» Симонова монастыря в 1397 г. вместе с иконой Богоматери Одигитрии¹⁰. В таком случае логично предполагать ее выполнение как списка храмовой иконы Успенского собора Симонова монастыря и соответственно датировать около 1383–1397 г. По крайней мере, нет в ее живописи черт, исключающих это определение, как и генетическую связь с несохранившимся константинопольским оригиналом. Разумеется, заметны некоторые от него отступления, в частности, в соотношениях фигур и в исключении некоторых деталей. Мастер золотой иконы 1552 г. в этом отношении оказался более точным, если он видел упомянутый греческий образец конца XIV в.

Известна еще одна реплика интересующего нас образа, выполненная в технике каменной резьбы малых форм. Это двусторонняя шиферная икона в серебряной сканной оправе, размером 10,1 x 6,6 x 1,2 см, на лицевой стороне которой воспроизведено Успение Богоматери; на оборотной — в пяти кругах свт. Никола и евангелисты, а между кругами представлены св. Георгий и Димитрий, архидиакон Стефан и Стефан Исповедник (илл. 5.1). Композиция с ограниченным числом фигур у одра Богоматери увенчана приплюснутой килевидной аркой, как бы сплетенной из ремней и опирающейся на прорезные колонны с ионическими капителями. В описи Троице-Сергиева монастыря 1641 г., при описании иконостаса Троицкого собора, у местного образа преп. Сергия с деянием среди привесов отмечено: «икона — резь на черном

⁵ Строев П. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской церкви. СПб., 1877. Стб. 149; Барсуков Н. Источники русской агиографии. СПб., 1882. Стб. 591–592.

⁶ Византия. Балканы. Русь. Иконы конца XIII — первой половины XV века. Каталог выставки. М., 1991. С. 217–218, 231–232. Кат. 26, 54.

⁷ Костромская икона XIII–XIX веков. М., 2004. С. 473. Илл. 23. Кат. 17. Разм. 31,7 x 25,5 см.

⁸ Смирнова Э. С. «Успение» из Кирилло-Белозерского монастыря и проблема традиции в русской живописи первой половины XV в. // Древнерусское искусство. Художественные памятники русского Севера. М., 1989. С. 16–29; Иконы Кирилло-Белозерского музея-заповедника. М., 2003. С. 34–39. Кат. 2. Разм. 108,0 x 88,0 см.

⁹ Опись строений и имущества Кирилло-Белозерского монастыря 1601 года. Комментированное изд. / Сост. Дмитриева З. В. и Шаромазов М. Н. СПб., 1998. С. 44–45, 237.

¹⁰ Государственная Третьяковская галерея. Каталог собрания. М., 1995. Т. 1: Древнерусское искусство X — начала XV века. С. 152–153. Кат. 66. Разм. 72,0 x 50,0 см.

камни Успение прсвтые бдцы, на другой стороне резаны свтые, обложены серебром, сканью, а в ней шесть камышковъ, да две раковинки, во главе — образ Спасов». По мнению Т. В. Николаевой, выбор изображений на иконе, а также то, что она висела у иконы преп. Сергия Радонежского, дают основание связать изготовление произведения с личностью уже упомянутого Федора Ростовского, основавшего Новый Симонов монастырь, бывшего духовником Дмитрия Донского¹¹. При всем том, что иконографическая схема Успения дана здесь в весьма кратком варианте и фигуры заметно упрощены, все же можно уловить общее сходство с композицией на золотой и кирилло-белозерской иконах, прежде всего благодаря миндалевидной глории. Патрональных отождествлений, относящихся к изображениям святых на оборотной стороне, здесь не стоит обсуждать.

В Троице-Сергиевой лавре сохранилась еще одна шиферная икона, тоже в серебряной сканной оправе, размером 9,0 x 6,3 x 0,9 см, отмеченная в описи 1641 г., при описании Казны, как: «Икона воротная, Успение прсвтые бдцы на камени на деманиде, обложена серебромъ сканью, во главе и в гнездах пять камышков розных. Ларионовская Дерюзинсково». Ее считают копией предыдущей и датируют XVII в.¹² (илл. 5.2). Копией упомянутой резной иконы конца XIV в. ее нельзя признать по той причине, что ее иконография отличается большей многофигурностью, и, следовательно, резьба восходит к иному источнику; типология же сканного обрамления скорее говорит в пользу первой половины XVI в. Если изделие действительно первоначально находилось в Дерюзине, в Николаевском монастыре, зависимом от Троицкого и упраздненном до 1562 г., то оно и оказалось в Казне. Общее типологическое сходство с более ранним произведением может служить указанием на традицию изготовления в Симоновом монастыре евлогий в виде каменных резных образков Успения Богоматери, в упрощенном варианте воспроизводивших чтимую храмовую икону. Здесь та же самая схема, что и на иконе Кирилло-Белозерского монастыря, где она в многофигурном варианте (илл. 5.4).

Известные каменные иконки Успения Богоматери русского происхождения единичны. Среди них двусторонняя шиферная, размером 6,6 x 4,4 x 0,8 см, датируемая XIV в., с многофигурной композицией на лицевой стороне и с Никитой-бесогоном — на обороте¹³ (илл. 5.3). Схема Успения подобна отмеченной, но с овальной глорией, окружающей фигуру Христа. Концом XIV в. принято датировать каменный образок, размером 5,7 x 5,0 x 0,9 см, на котором Успение под прорезной аркой, с фигурой Христа в миндалевидной глории, сочетается с изображением конного Дмитрия Солунского на обороте¹⁴ (илл. 6.4). Оба изделия отнесены к новгородской группе. Сравнительно недавно стала известна еще одна, пятая, каменная иконка, размером 4,6 x 5,2 x 0,9 см, сохранившая лишь нижнюю часть композиции, с изображением двух святителей на обороте, тоже XIV в.¹⁵ Произведение выполнено из сланца в совсем иной манере, и в композиционном плане оно зависит от более «палеологовского» живописного оригинала, с как бы движущимися фигурами. Попутно надо заметить, что, в отличие от рельефов из слоновой кости, Успение редко представлено и в византийской каменной пластике малых форм¹⁶. И причиной тому вряд ли могла быть только многофигурность композиции: скорее всего не последнюю роль играла популярность воспроизведенного иконописного оригинала.

¹¹ Николаева Т. В. Произведения мелкой пластики XIII—XVII веков в собрании Загорского музея. Каталог. Загорск, 1960. С. 46—47, 140—142. Кат. 32; *Ее же*. Древнерусская мелкая пластика из камня. XI—XV вв. // САИ. М., 1983. Вып. Е 1—60. С. 41, 131. Табл. 57. Кат. 318.

¹² Николаева Т. В. Произведения мелкой пластики XIII—XVII веков в собрании Загорского музея. С. 200—201. Кат. 88; *Ее же*. Древнерусская мелкая пластика из камня. С. 131—132. Табл. 57. Кат. 319.

¹³ Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня. С. 102. Табл. 37. Кат. 211.

¹⁴ Там же. С. 101. Табл. 37. Кат. 209.

¹⁵ Рындина А. В. Каменное «Успение» из Звенигорода и литургическая тема в древнерусской пластике XIV — первой половине XV века // Древнерусская скульптура. Проблемы и атрибуции. Сб. статей. М., 1993. Вып. 2. Ч. 1. С. 20—46. Илл. 1.

¹⁶ Kelavrezou-Maxeiner I. Byzantine Icons in Steatite. Wien, 1985. Cat. 1, 2, 71, 72, 171.

Если присмотреться к каменным иконкам русского происхождения, то нельзя не заметить, что почти все они относятся к XIV в., за исключением одной, по типологии похожей на образец именно указанного времени. Не связана ли генетически эта своеобразная серия именно с иконой, бывшей храмовой древнего собора Симонова монастыря? Варьирование деталей при воспроизведении оригинала представляет обычное явление и поэтому не может служить аргументом в пользу отрицания реальности высказанного суждения. Состав мастеров-ремесленников, привлекаемых для выполнения резных воспроизведений, тоже мог быть различным. Эта традиция настолько оказывалась устойчивой, насколько обеспечивалась заказами, довольно дорогостоящими.

Отмеченное в трех случаях в резьбе каменных икон Успения обрамление в виде как бы сплетенной из ремней стрельчатой арки, опирающейся на колонны с капителями, обязано, конечно, византийским источникам, подобным стеатитовой иконе X в. в Вене¹⁷ (илл. 6.1). Однако формы были усвоены уже с учетом их романской переработки конца XI в. Примером тому служит рельеф из слоновой кости в Вюрцбурге¹⁸ (илл. 6.2). На Руси, в Новгороде, интерпретацию этого мотива можно отметить на рубеже XIII–XIV в.¹⁹ (илл. 6.3). Появляется он не изолированно, но как часть определенного художественного течения²⁰. Его перенесение в конце XIV в. в Москву вполне реально при перемещении ремесленников.

Остается неизвестным, когда именно и при каких обстоятельствах в Симоновом монастыре прекратилось почитание древнего храмового образа Успения Богоматери. Возможно, что после Смутного времени. В XIX в. особым почитанием в обители пользовалась икона Богоматери Казанской, в честь которой был устроен придел соборного храма²¹. Его начало могло восходить именно к XVII в., когда вековые традиции оказались нарушены, а многие реликвии — утрачены.

¹⁷ Ibid. P. 91, 93. Pl. 1. Cat. 1.

¹⁸ Zarnecki G. A 12th Century Column-figure of the Standing Virgin and Child from Minster-in-Sheppey, Kent // *Kunsthistorische Forschungen* O. Pacht zu seinem 70. Geburtstag. Wien, 1972. P. 210. Pl. 6.

¹⁹ Николаева Т. В. Древнерусская мелкая пластика из камня. С. 29, 73–74.

²⁰ Пуцко В. Г. Новгородские каменные иконки XIV в. «романского» стиля // *Староладожский сборник*. Вып. 5. Санкт-Петербург — Старая Ладога, 2002. С. 87–102.

²¹ Розанов Н. Чудотворные иконы Казанския Божией Матери в Московском Симоновом монастыре // *Духовное чтение*. 1872. № 6; О Казанской чудотворной иконе Божией Матери в Московском Симоновом монастыре. Изд. 2-е. М., 1891.

Иллюстрации

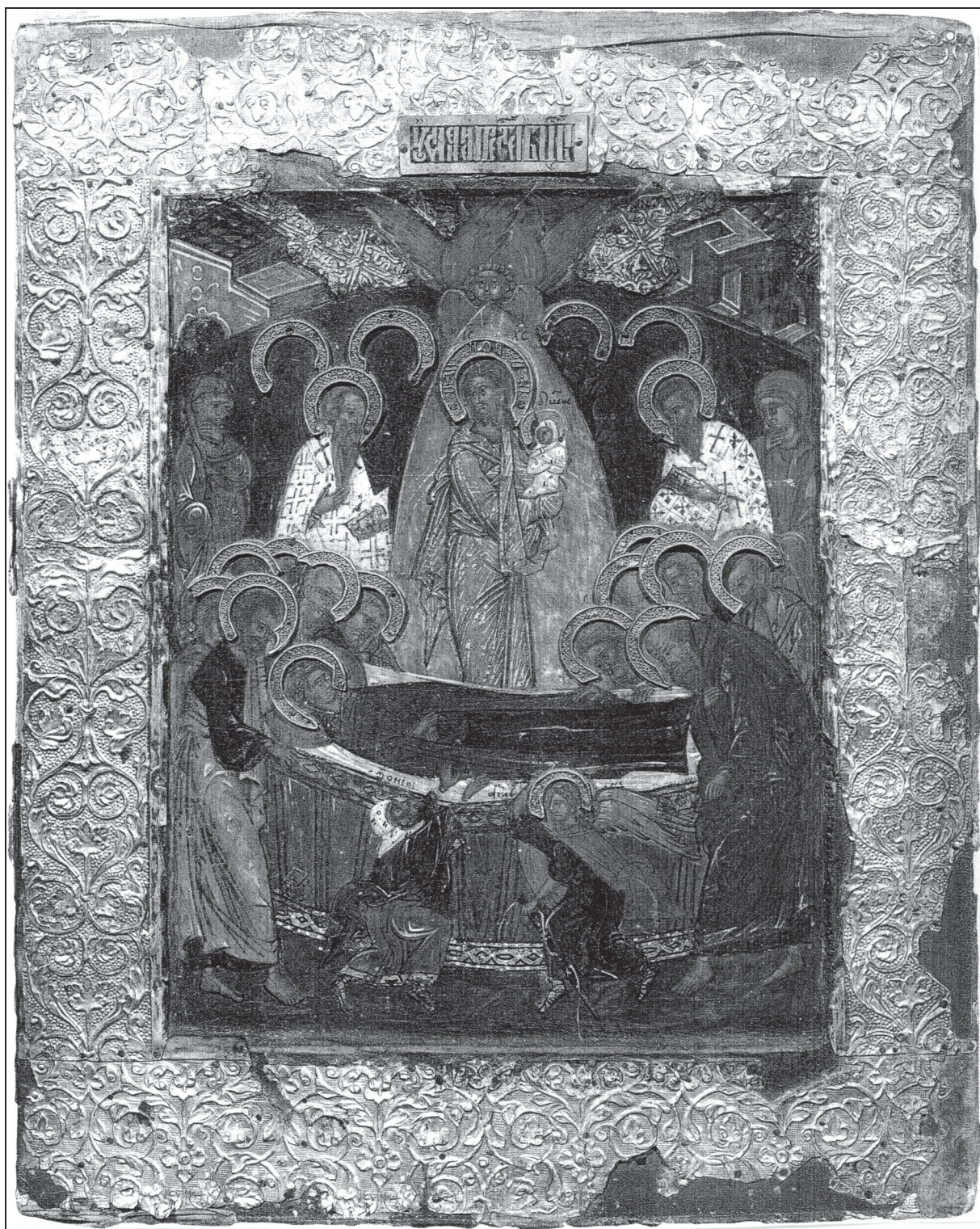
Илл. 1.

1 — Успение Богоматери. 1552. Москва. Золото, дерево, ткань, резьба, чернь, конфарение. Москва, Федеральное гос. учреждение культуры «Гос. историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»;

2 — Успение Богоматери. 1552. Москва, золото, дерево, ткань, резьба, чернь, канфаренье. Санкт-Петербург, Государственный Русский музей.

Илл. 2.
Успение Богоматери. Около 1316–1321. Мозаика. Стамбул, Кахрие
джами (монастырь Хора), западная стена храма.

*Успение Богоматери. 1567. Москва. Икона из Троицкого собора
Ипатьевского монастыря. Москва, Государственный Исторический музей.*

Илл. 4.

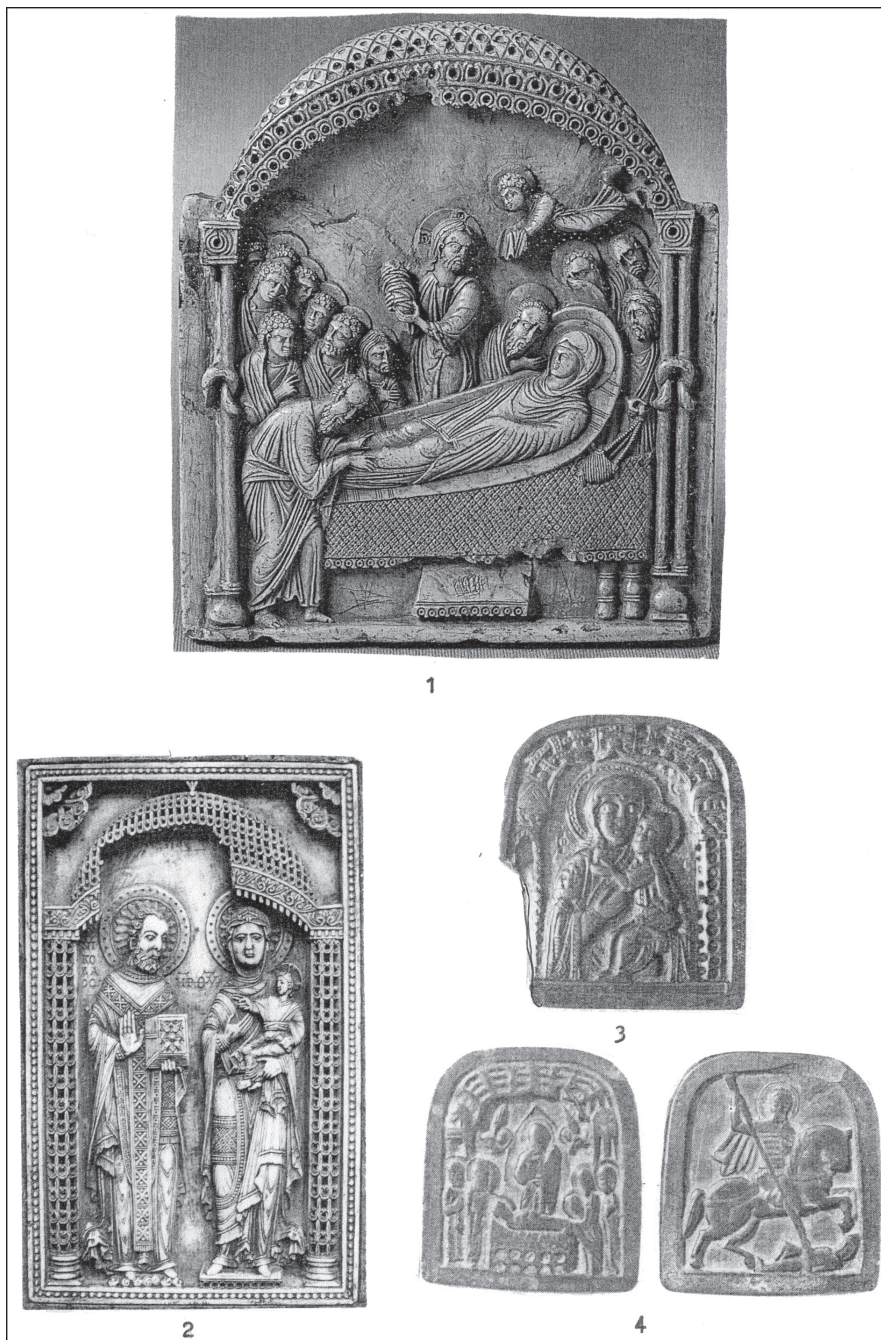
Успение Богоматери. Конец XIV в. Москва.

Икона из Успенского собора Кирилло-Белозерского монастыря. Кириллов,
Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей-заповедник.

Илл. 5.

- 1 — Успение Богоматери. Последняя четверть XIV в. шифер, резьба. Сергиев Посад, Музей-заповедник;
- 2 — Успение Богоматери. Первая половина XVI в. Шифер, резьба. Сергиев Посад, Музей-заповедник;
- 3 — Успение Богоматери. XIV в. шифер, резьба. Санкт-Петербург, Государственный Русский музей;
- 4 — Успение Богоматери. Конец XIV в. Кириллов, Музей-заповедник.

Илл. 6.

- 1 — Успение Богоматери. X в. Стеатит, резьба. Вена, Художественно-исторический музей;
- 2 — Богоматерь с Младенцем и свт. Николай. Около 1080—1090 г. Слоновая кость, резьба. Вюрцбург, Университетская библиотека;
- 3 — Богоматерь Умиление. Около 1300 г. Песчаник, резьба. Санкт-Петербург, Государственный Русский музей;
- 4 — Успение Богоматери. Конец XIV в. Камень, резьба. Санкт-Петербург, Государственный Русский музей.